

П. С. Кабытов.

ИСТОРИК-КРАЕВЕД Е. И. МЕДВЕДЕВ.

Писать воспоминания о пережитом - дело невероятно трудное. Практически никому из мемуаристов не удается сохранить объективность при освещении событий, в которых он или принимал участие, или являлся их очевидцем. Вольно или невольно на первый план выступает сам автор воспоминаний со своими представлениями о жизни, чувствами и переживаниями, зачастую и предрассудками. Поэтому, приступая к первым наброскам воспоминаний о прошедших событиях, я попытаюсь говорить не столько о себе, сколько о людях, с которыми мне довелось встречаться и многие годы работать.

Впервые о Ефреме Игнатьевиче Медведеве и его научной деятельности я услышал на лекции профессора Казанского государ-

ственного университета Ивана Михайловича Ионенко, который в 1967 г. читал для студентов-историков спецкурс "Великая Октябрьская социалистическая революция в Поволжье".

Напомню, что вторая половина 50-х - начало 60-х гг. представляет собой важный этап в жизни советского общества. XX съезд КПСС и его решения вселяли веру в то, что процесс демократизации всех норм жизни станет необратимым. Эти настроения подпитывались и первой волной "Великой реабилитации", а также оживлением деятельности творческой интеллегенции-писателей и поэтов, художников и музыкантов. Несмотря на то, что оттепель сопровождалась сильными порывами северного ветра и возвратом к старым, испытанным временем административным методам управления, тем не менее новые веяния захватили и научную интеллегенцию. У многих исследователей появилась тяга к пересмотру проблематики исследований, возникла осознанная необходимость в оживлении научно-исследовательской работы, ее координации. В этой связи в 1959 г. по инициативе академика И.И.Минца был создан научный совет по проблеме "История Великой Октябрьской социалистической революции". А на местах стали возникать секции научного совета. В Поволжье секцию, объединившую историков Великого Октября, возглавил профессор Куйбышевского Государственного Педагогического института Е.И.Медведев, который был известен широкой общественности как автор ряда крупных работ по истории революционного движения и гражданской войны.

Помимо координации научных исследований, проведения всесоюзных и региональных конференций и совещаний, научный совет и его секции на местах запланировали подготовить и издать к 50-летию революции серию обобщающих монографий. Такая работа была начата и в Поволжье, к ней привлекались не только "маститые" учёные, но и молодая поросль историков - аспирантов и студенты.

Как видим, появление спецкурсов и спецсеминаров по истории Октябрьской революции было не случайным явлением в вузах Поволжья. Активизация научно-исследовательской работы повлияла на учебный процесс. А это в свою очередь сказалось на подготовке научной смены.

Работая в спецсеминаре профессора И.М.Ионенко, я стал изучать

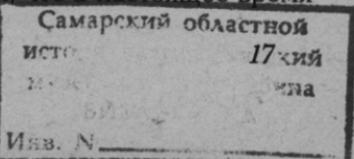
литературу по истории революционного движения крестьян Поволжья в 1917 г. и воочию убедился в правомерности высокой оценки вклада Е.И.Медведева в научную разработку многих вопросов истории Поволжья.

С Е.И.Медведевым лично я познакомился в июне 1970 г. на конференции историков, которая проводилась институтом истории, языка и литературы им. Г.Ибрагимова Казанского филиала АН СССР. Конференция была посвящена истории гражданской войны.

Одной из секций руководил профессор из Куйбышева, который скорее походил на крестьянина. Он отличался от остальных своей физической мощью, густыми бровями, под которыми как бы прятались небольшие острые глаза с блеском юмора. Он тяготился возложенными на него обязанностями, а напускная серьезность едва-едва сдерживалась усилием воли. Вдруг, во время доклада о жизни и деятельности В.И.Чапаева, он встрепенулся, хитро взглянул на докладчика и спросил: "Товарищ Артемов, вы долгое время занимаетесь этой темой, а нашли ли вы новые документы о Чапаеве?" В корень смотрел Ефрем Игнатьевич. И вопрос его был не случаен, так как этой темой до Артемова занимались многие историки. Поэтому ценным становился каждый новый документ, проливающий свет на деятельность Чапаева в годы гражданской войны.

Вторая моя встреча с Е.И.Медведевым произошла весной 1971 г. в Саратове, где обсуждался ход работы над подготовкой к переизданию монографии "Октябрь в Поволжье". Я вел протокол этого совещания и могу судить о том, как скрупулезно Е.И.Медведев отнесся к подбору авторского коллектива и к срокам представления рукописи. Итоги совещания были впечатляющими. Казалось, что через два года второе издание будет опубликовано. Но, увы, эта затея потерпела крах из-за бесплодных согласований и говорильни. Именно тогда в Саратове состоялось мое знакомство с Е.И.Медведевым. Узнав о том, что я собираю материал по столовинской земельной реформе в Поволжье, он написал записку заведующей читальным залом государственного архива, в которой просил ее оказать содействие в работе с архивными фондами.

Осенью 1971 г. я был командирован в Куйбышев для сбора материала по теме кандидатской диссертации. По просьбе И.М.Ионенко позвонил Е.И.Медведеву домой. Мне сказали, что в настоящее время

он находится в обкомовской больнице на ул.Чапаевской, назвали номер палаты и время свиданий с больными. Прихожу в больницу и вижу, что по лестнице со второго этажа спускается Е.И.Медведев. Он сразу же вспомнил, что мы встречались в Саратове и после того, как я ему назвал тему своей кандидатской диссертации, задал вопрос на "засыпку": "А как звали Столыпина? - и удовлетворенно кивнул головой после ответа: "Петр Аркадьевич".

Конечно, эти мимолетные встречи создавали лишь общее впечатление о Е.И.Медведеве как человеке и ученом. Постоянные контакты между нами устанавливались с августа 1972 г., когда я после окончания аспирантуры был направлен на работу ассистентом кафедры истории СССР Куйбышевского государственного университета, и продолжались вплоть до его кончины в конце июня 1982 г.

Напомню, что Е.И.Медведев в 1969 г. был приглашен на работу в только что открывшийся государственный университет. Ему было поручено создать кафедру истории СССР. С этой задачей он успешно справился. Уже к 1972 г. на кафедру были приглашены специалисты, окончившие аспирантуру Московского, Казанского и Саратовского университетов, которые на всю жизнь связали свою судьбу с молодым вузом. Рост кафедры был стремительным, и в 1976 г. она стала основой для создания кафедр дореволюционной отечественной истории (ныне кафедра российской истории) и советской истории (кафедра отечественной истории и историографии).

Оглядываясь в прошлое, скажу, что Е.И.Медведев, как заведующий кафедрой, никогда не подавлял коллег своим авторитетом. Он не навязывал им традиционных суждений, господствовавших в то время в историографии, тем самым стимулируя творческие поиски молодых преподавателей. Часто бывал у них на лекциях, стремился ободрить коллег добрым словом. Уважение к преподавателю и его труду было неотъемлемой чертой характера профессора. Лишь однажды мне довелось услышать его осторожное замечание о лекции одной из коллег: "Все хорошо, но лекция была какой-то клочковатой". Демократизм и доступность, умение выслушать коллег и студентов, стремление поддержать их в трудную минуту - эти и другие черты характера отличали Медведева от большой части столичной профессуры, да и провинциальной. Хорошо зная о материальных трудностях, с которыми сталкивались молодые преподаватели и сту-

денты, Ефрем Игнатьевич нередко вынимал деньги из кармана и говорил: "Возьми сколько тебе надо". Он помогал многим: студентам, преподавателям, аспирантам. Одним - советом, другим щедро дарил свой опыт, знания и идеи. Думаю, что многие его аспиранты вспоминают своего Учителя добрым словом - так щедра была поддержка научного руководителя накануне и во время защиты кандидатских диссертаций. И здесь для него главное состояло в том, что завершенная диссертация есть только ступенька к дальнейшему творческому труду, а поэтому возводить препоны на этом пути нельзя. Нельзя и сводить какие-то личные счеты с диссидентом или его научным руководителем.

Главный урок из общения с Медведевым для меня состоял в том, что руководитель кафедры должен создавать оптимальные условия для работы каждому преподавателю с тем, чтобы он смог полнее реализовывать свои творческие способности, свой научный интерес. Только при таких условиях на кафедре будет нормальный психологический климат для многих творческих коллективов.

Видимо, поэтому Ефрем Игнатьевич никогда не навязывал студентам и аспирантам своих тем. Его ученики, как правило, писали работы по истории советского общества, преимущественно по истории Поволжья и Самарского края. Предлагая такие темы, он обычно говорил: "Вы будете здесь и Соловьевым, и Ключевским". При этом он исходил из того, что молодой историк имеет возможность впервые ввести в научный оборот новые документы и материалы и самостоятельно сформулировать выводы и наблюдения.

Научные интересы Е.И.Медведева сформировались в конце 20-х - первой половине 30-х годов. Еще будучи студентом общественно-экономического факультета Казанского Восточно-педагогического института, он проявлял интерес к историческому краеведению. В становлении его как историка-краеведа немалую роль сыграли профессора Н.Н.Фирсов, Н.Н.Эльцов. Многое давало и общение с молодыми историками Е.И.Чернышевым, М.К.Корбутом, участником гражданской войны Назарием Ежовым, сотрудником Института истории партии Евгением Грачевым. После окончания в 1929 г. Восточно-педагогического института он продолжал учиться на экономическом факультете Казанского университета, а в начале 30-х годов поступил в аспирантуру этого старейшего университета России. Все это

дает основание говорить о том, что творческий путь и сама биография ученого представляют для нас особый интерес, так как Е.И.Медведев по сути дела является связующим звеном между старой и новой российской интеллигенцией.

Жизнь Е.И.Медведева не была усыпана розами. Он пережил, как и многие его сверстники, революционную эпоху 1917 г. и страшные годы гражданской войны. Но главные испытания выпали на его долю в то время, когда, казалось бы, ничто не могло помешать его карьере. А она была весьма успешной. Молодой специалист, только что окончивший педагогический институт, был назначен управляющим татарским центральным архивом, одновременно он исполнял обязанности директора Центрального музея Татарии, работал доцентом в ряде высших учебных заведений Казани и, как я указывал выше, обучался в аспирантуре. Помимо административной деятельности и учебы, Медведев уже в 1930 г. заявил о себе как автор статей о социально-экономическом положении и классовой борьбе пролетариата Казанской губернии в начале XX века. Эти статьи, также как опубликованные в центральных и местных изданиях документы и материалы, позднее были положены в основу кандидатской диссертации "Революционное движение в Татарии в годы первой мировой войны", которую он защитил в 1942 г.

Вполне естественно, что, кроме истории пролетариата, молодой историк заинтересовался деятельностью Казанской большевистской организации в 1917 г. Но, пожалуй, главное достижение Медведева в 30-е годы как историка и археографа состояло в кропотливой работе по выявлению документов истории массового революционного движения. Он был составителем двух сборников документов - "Царская армия в период мировой войны и Февральской революции", а также "Первый год пролетарской диктатуры в Татарии", научная значимость которых сохраняется до сих пор. Тогда же им был написан краеведческий учебник "Юные колхозники".

Здесь можно было бы многое сказать о вкладе Медведева в развитие исторической науки в Поволжье. Но я ограничусь тем, что отошлю читателя к историческим работам Е.Н.Городецкого, И.И.Минца, В.И.Миллера, И.М.Ионенко, А.Л.Литвина, В.А.Шестакова, в которых дана позитивная оценка многих его работ, теперь же хочу сказать о другом. Та проблематика, которой всю жизнь за-

нимался Медведев, не могла быть иной, а его основные выводы и наблюдения, сформулированные в 30-х гг., не выходили за рамки официальной трактовки закономерностей победы большевиков в октябре 1917 г. Отсюда в его работах превалировали положительные оценки стачечной борьбы пролетариата, выпячивалась на передний план деятельность местных большевистских организаций, а об их противниках - эсерах и меньшевиках или умалчивалось, или давалась отрицательная характеристика.

Описываемые молодым историком события революционной эпохи представляли только в двухцветном - черно-белом изображении. Но можем ли мы с позиций сегодняшнего дня осуждать за это историков 20-30-х годов. Вероятно нет. Иные были времена, иные пелись песни. Но пройти мимо опыта историков первого советского призыва нельзя, тем более сейчас, когда ученые пытаются переосмыслить многие проблемы отечественной истории. Надо взять из этого опыта все лучшее.

Несмотря на то, что Медведев, как все историки тех лет, доказывал наличие "объективных и субъективных предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции", тем не менее он не избежал репрессий со стороны пролетарского государства. Я не раз расспрашивал Медведева о той драме, которая разыгрывалась в середине 30-х гг. в Казани, когда многие партийные и советские работники, а также представители творческой и научной интеллигенции, были арестованы. Кстати, об этих событиях писала в своих воспоминаниях мать писателя В.Аксенова, Евгения Гинзбург. В них упоминался и Медведев. Но он к ее воспоминаниям относился негативно и говорил, что не был знаком с их автором.

Вначале Медведев отвечал неохотно. Но затем, видя неподдельный интерес молодого историка к его судьбе, рассказал о том, как случайно избежал ареста, не явившись на собрание актива в губкоме ВКП(б), затем сообщал о причинах ареста и о любопытных деталях своего пребывания в Казанской тюрьме.

Медведева арестовали за то, что он не "разоблачал явного "троцкиста" профессора Казанского университета Н.Н.Эльвова, который являлся его научным руководителем. Он прошел унизительную процедуру допросов. О том, как это происходило, никогда не говорил. Но как бы там ни было, Медведеву "крупно повезло" - он избежал

лагерей Гулага. По постановлению Особого Совещания при НКВД СССР от 15.Х. 1935 г. он был лишен права проживания в режимных пунктах СССР сроком на три года и выслан вместе с семьей в Самару. И, конечно, исключен из рядов коммунистической партии.

В Самаре оказался безработным. Ему было запрещено преподавать историю в школах и высших учебных заведениях. Поначалу работал экономистом хлебозавода №8, нередко грузчиком - таскал мешки с мукой. Затем выполнял обязанности завуча в школе, какое-то время учился заочно на географа в Московском университете. Был лаборантом, ассистентом и доцентом пединститута.

После Великой Отечественной войны поступил в докторантуру института истории АН СССР. Но затем вновь начались гонения и мытарства: исключили из ВКП(б), отчислили из докторантуры, как и прежде снова нужно было искать работу. И только 20 октября 1955 г. Президиум Верховного Совета Татарской АССР в составе председателя т. Крылова, членов президиума тт. Бусырева, Муратова и Калиулина с участием и.о. прокурора ТАССР т. Абубекерова вынес решение о реабилитации: "Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 15.Х.1935 г. в отношении Медведева Ефрема Игнатьевича отменить и дело производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления".

Конечно, все эти репрессивные меры не могли не сказаться на научной работе Медведева, которую пытались искусственно прерывать. Тем не менее ему удалось опубликовать два сборника документов, защитить кандидатскую диссертацию, в соавторстве с казанскими историками издать книгу об Октябрьском вооруженном восстании в Казани. И все же в течении 20 лет он вынужден был лишь мечтать об активной научной работе.

Несмотря на все перенесенные невзгоды, Медведев не осуждал эти акты сталинского произвола. Обычно он говорил: "Время было такое". И старался забыть это время, вытравить его из памяти. Отсюда: в лекциях строгое следование схемам "Краткого курса истории ВКП(б)", а позднее брежневской концепции развитого социализма, резкий крен в историческое краеведение, которое стало для него своеобразной экологической нишней. Наконец, реальной отдушиной была научно-исследовательская работа, занятия со студентами и аспирантами. Много внимания он уделял переписке со своими

коллегами из других городов, участниками Октябрьской революции и гражданской войны, и выпускниками пединститута и университета.

50-е годы стали важнейшим этапом в творческой биографии куйбышевского историка. Вдохновение в научной работе было связано с его реабилитацией, новыми веяниями в общественной жизни, вызванными решениями ХХ съезда КПСС.

Немаловажное значение для него имел приказ, полученный из Министерства просвещения РСФСР: "Восстановить в докторантуре Института истории АН СССР кандидата исторических наук, доцента Медведева Е.И. по специальности "история СССР" сроком на 2 года с 1 октября 1956 г. по 1 сентября 1958 г." Все это создавало особый настрой для творческой деятельности. К нему как бы пришло второе дыхание. Медведев сосредоточил внимание на завершении докторской диссертации, которая была успешно защищена в 1960 г. в Ученом совете Института истории АН СССР. "Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге" - такова тема докторской диссертации Ефрема Игнатьевича. Вышедшая в 1958 г. монография по этой проблеме вызвала живейший интерес у специалистов-историков. Она получила высокую оценку академика И.И.Минца, профессора И.Штаермана, генерал-лейтенанта А.И.Тодоровского и др.

52 года продолжалась научно-исследовательская и преподавательская деятельность профессора Медведева. Его научное наследие велико. Он написал более 20 монографий, книг и брошюр, которые являются как бы основными вехами его творческой биографии. Значителен вклад Медведева как археографа. Он был составителем шести сборников документов. Не менее важно отметить, что профессор написал множество пособий по историческому краеведению, которыми смогли воспользоваться сотни учителей нашей области.

Наконец, им написано большое число биографий, очерков о видных участниках революционной эпохи, в том числе А.И.Ульянове, С.М.Кирове, братьях Георгии и Александре Коростелёвых, Г.Д.Гае, В.И.Чапаеве, М.Н.Тухачевском и др.

Но попытка с помощью сравнительно-исторического и иллюстративного методов создать широкую панораму событий, в которой бы отражалась вся противоречивость революционного времени, Медве-

деву не удалась. Вновь, как и прежде, события были представлены односторонне с явной апологетикой тактики большевиков. Да и можно ли было ожидать другого? Освобождение от старых прописных истин никогда не происходит мгновенно, если речь не идет о приспособленцах в науке, восхваляющих любой политический режим. А Ефрем Игнатьевич был честным и искренним человеком. Так, он выступал в поддержку научных выводов, содержащихся в докторской диссертации А.Х.Бурганова (эта диссертация была утверждена Высшей аттестационной комиссией лишь через 23 года после ее защиты). Он дважды выступал официальным оппонентом по докторской диссертации саратовского историка, нередко высказывал "еретические мысли". Но в целом он считал, что правительство Брежнева-Косыгина идет "верным ленинским курсом", радовался за успехи страны, горько переживал неудачи. И все-таки нельзя не отметить того, что очень часто в узком кругу он внезапно переходил на шепот (и стены слышат!) и говорил о диссидентах - П.Якире, которому от всей души сочувствовал, А.Солженицыне. Но открыто выступать против властей предержащих не хотел, да и, имея собственный опыт, не мог.

До последних дней своей жизни Медведев следил за новейшей научной литературой, продолжал писать книги и статьи. Из увлечений профессора назову его страсть к фотографии. У многих историков сохранилось большое количество любительских фотографий, собственноручно изготовленных Медведевым. Другое увлечение - дача на поляне им.Фрунзе. Он любил приезжать туда с кем-нибудь из коллег. За чаем и немудреными бутербродами шел нескончаемый обмен мнениями по житейским и научным проблемам.

Жил Медведев очень просто. Был неприхотлив, не претендовал на какие-то привилегии, хотя, как заслуженный деятель науки России, мог на них рассчитывать... Медведев не был особенно "обласкан" областной властью. Видимо потому, что не всегда "был удобен", не толпался в предбанниках больших кабинетов, без особой нужды не ходил "по начальству". Как правило, чиновная знать обходилась услугами непрофессионалов. И вспоминала о нем, когда нужна была консультация, или когда возникала необходимость "пристроить" свое чадо в вуз.

Несколько слов о научной школе Медведева. Обычно в школу того или иного ученого включают его аспирантов. Здесь успехи Медведева были значительными. Под его руководством защищено более 30 кандидатских диссертаций. Его ученики работают не только в Самаре, но и во многих городах России и в "ближнем зарубежье" - Грузии, Прибалтике. Среди них есть доктора наук, в том числе ректор Самарского университета - Л.В.Храмков.

Думается, когда речь идет о научной школе, необходимо учитывать не только конкретный вклад ученого в разработку проблем отечественной истории (в том числе и индекс цитирования его трудов), но и как идеи историка воспринимались в научной среде, как стимулировался исследовательский поиск. Ученый должен быть генератором идей и организатором научных исследований. Весьма важен и нравственный аспект - взаимоотношения с учениками и коллегами. Всеми этими качествами обладал Медведев. Но организаторские способности у него проявлялись в большей степени. Отмечу, что все научные конференции в 60-х - 80-х гг. проводились по его инициативе. Немало усилий приложил Медведев для изучения аграрной истории. Он не только объединил вокруг себя историков-аграрников в университете и в Самаре, но и деятельно участвовал в организации Средневолжского проблемного объединения по изучению аграрной истории.

В течении многих лет он работал в областном отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, обществе "Знание", областном институте усовершенствования учителей, опубликовал множество статей и очерков в областных газетах, поддерживал контакты со многими краеведами области. Это дает основание говорить о том, что научная и общественная деятельность Медведева оставила заметный след в культурной жизни Поволжья.